

Л. Беляева

УТЕРЯННАЯ

НИТЬ ПАМЯТИ

Л. Беляева

Уттер и Лелия: нить памяти

«Автор»

2026

Беляева Л.

Уттер и Лелия: нить памяти / Л. Беляева — «Автор», 2026

Неспешная проза, философская притча, без экшена-----Под толстым слоем песка лежат древние города, чьё прошлое наука до сих пор не может расшифровать. Эти города основаны теми, кто жил дольше, чем просуществовала любая человеческая цивилизация. То, что люди назовут магией, для них просто способностью чувствовать саму силу планеты. Он давно перестал верить в обещанное ему счастье — слишком долго жил, чтобы продолжать надеяться, и слишком хорошо помнил, что за все приходится платить. Она не избранная и не идеальная — просто упорнее, чем нужно было судьбе, чтобы убить её. Их связывает полузабытое предсказание, в которое не верит даже тот, кому оно адресовано. Это история не о спасении мира, а о двух людях, которые слишком долго ждали друг друга, чтобы позволить себе ждать ещё. «Уттер и Лелия: нить памяти» — роман о памяти как единственном способе удержать исчезающее, и о любви как единственном способе примириться с тем, что удержать можно далеко не все.

© Беляева Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Уттер и Лелия: нить памяти

1

Вечер был обычный.

Я приняла ванну — как всегда, без спешки, просто чтобы согреться и расслабиться от зимнего постояннодрожания. Тёплая вода расслабила мышцы, и только тогда заметила, что устала чуть сильнее, чем обычно. Работала в последнее время чрезмерно много — купила однушку в кредит. После ванны не стала ни смотреть телевизор, ни читать на ночь. Ничего не хотелось. И просто легла спать пораньше.

В комнате всё было знакомым до мелочей — свет фонаря за окном, приглушённый шум улицы, отголоски телека у соседей, привычная тяжесть любимого, ещё ватного, стеганого одеяла — часть моего приданого от заботливой бабушки. Даже мысли были какие-то ровные, спокойные, как будто сами по себе замедлялись. И провалилась в сон, едва коснувшись подушки. Что тоже было обычным для меня с самого детства: как весьма активный ребенок, к вечеру я всегда убивалась в хлам.

Проснувшись от ощущения падения. Это знакомое всем детям чувство резкой потери опоры, когда тело в первое мгновение не понимает, где находится, а потом зависает в невесомости на несколько секунд. Говорят, это когда растёшь. Но я вроде уже вышла из возраста, когда растут. Однако ощущение было тем же. Только на этот раз оно не проходило. К тому же темнота была какая-то крошечная: в большом городе никогда не бывает так темно.

Падение длилось. Меня уже начинало подташнивать.

А потом я упала. Удар был таким сильным, что боль буквально прошла все тело и я потеряла сознание.

Не знаю, сколько времени провела в отключке. Сознание возвращалось очень медленно, а вот боль и холод накрыли сразу. Эти два ощущения и составляли мой внезапно сжавшийся мир. Я не могла понять — не вижу, потому что темно, или потому что мозг отказывается анализировать окружение.

Болело все тело. Я замерла, боялась вдохнуть глубже. Казалось, что даже движение век вызывает волну мышечных спазмов. Лежала на чем-то жёстком и неровном, словно на камнях или ветках, и они безжалостно впивались в тело. Через несколько минут я решила повернуться — голова закружилась и меня стошнило. Только и успела подумать, что это признаки сотрясения мозга и снова уплыла в туман.

Иногда, приходя в себя, видела призрачный свет, иногда просыпалась в абсолютной темноте. Наверное, сменилось несколько дней, но сколько точно — не понятно. Где-то краешком сознания понимала, что бодрствовала я меньше, чем отсутствовала.

Когда в очередной раз открыла глаза, боль уже не была такой острой. Она становилась фоном — постоянным и тяжёлым, но терпимым ровно настолько, чтобы хотя бы не вырубаться при малейшем движении. Я хотела бы не двигаться, но нужно было как-то сориентироваться. Да и от холода тело полностью онемело. Поэтому, собравшись с силами, повернулась на правый бок, который меньше всего болел.

От этого незначительного движения я съехала с кучи, на которой лежала всё это время. Это была куча скелетов.

В первое мгновение меня обуял ужас, и только потом пришло понимание, что эта куча костей, возможно, амортизировала падение и спасла мне жизнь. Пол был каменный.

Я начала осматриваться. Сейчас темнота была не абсолютная, где-то высоко было слабое свечение. Прищурившись, рассмотрела небольшое отверстие, через которое проникал при-

зрачный свет. Я лежала в центре большого пространства, возможно огромной пещеры. Движения все еще причиняли боль, и я просто лежала и лежала, пока верхний свет не стал ярче — наступил день. Теперь стало видно — это не пещера: зал был слишком правильным для природной структуры. Идеальный купол имел окулус — круглое окно в центре, через которое и проникал ровный холодный свет.

Попыталась подняться. Меня тошнило. Всё плыло перед глазами. С большим усилием я встала на карачки. С тихим шуршанием рассыпались вокруг кости скелетов. Я стояла на четвереньках не в силах продолжать двигаться.

На шейных позвонках ближайшего ко мне скелета блестела цепочка. Осторожно протянув руку, коснулась кулона. Невероятно, похожий я видела на старинном фото в семейном альбоме: на старшей сестре моей прабабушки — той самой, что пропала без вести в конце XIX века. Эту трагическую историю бабушка не раз рассказывала мне: Катерина пропала в 1898 году, еще при царской России. Ее долго искали, но не найдя никаких зацепок, дело закрыли. Она как сквозь землю провалилась. А вместе с ней пропал и кулон, известный как «Слеза Ангела» — большой каплеобразный белый опал. Вещица была особенная, ни с чем не спутаешь — подарок жениха к помолвке.

Сердце сжало от страха. Смысл происходящего начал медленно доходить до моего сознания, а подсознательный страх сразу перерастать в панику. Чтобы купировать это жуткое состояние, решила осмотреться и хоть что-нибудь предпринять. Как всегда: если действуешь — меньше времени на переживания.

Сначала нужно было оценить свое физическое состояние — проверила, могу ли двигаться. Каждое движение отзывалось мышечной болью, но конечности были целы, что не могло не радовать. Это уже больше, чем можно было ожидать после такого падения. Посмотрела вверх — как вообще жива осталась, не понятно. И времени должно было пройти не мало, организм должен был требовать еды и воды. Но ни голода, ни жажды я не испытывала. Эта мысль почему-то встревожила сильнее, чем холод. Пить то должна была захотеть. Странно все.

Я осторожно села. На этот раз мир не перевернулся. Видимо, несколько суток вынужденного покоя пошли на пользу. Подождала, пока зрение снова стало четким, и начала осматриваться. Окружающее пространство напомнило мне римский Пантеон — огромный круглый зал, перекрытый куполом с небольшим круглым отверстием сверху. Всё было темным, строгим — без украшательств, и покрыто толстым слоем инея. Несмотря на отсутствие разрушений, место производило впечатление заброшенности. Было очень тихо, никаких сторонних звуков.

Куча скелетов пугала. Нет, мёртвые не могли причинить мне вреда, но то, что они находились в одном месте, производило впечатление, что само место небезопасно. Я попыталась встать на ноги, но не смогла. Тогда буквально отползла в сторону.

Где я? Что это за место? Не было ни пыли, ни обвалов. Огромный круглый зал был пуст. Я гукнула в пустоту, по привычке «изучая акустику места», как делала, попадая в замкнутые пространства — будь то метро, заброшенные церкви, длинные пустые коридоры без людей. Мне ответило еле слышное эхо.

Заметила проём в одной из сторон зала и поползла туда. Выбора не было, этот зияющий темный проход был единственным выходом, поэтому, несмотря на страх, пришлось двигаться в ту сторону. На пути к выходу валялись какие-то ящики, проползла между ними не поднимая головы. Ползла, как ребенок, на руках и коленках: любая попытка подняться на ноги вызывала резкую головную боль и головокружение.

В проёме остановилась. После слабого света в зале, там в темноте я ничего не видела. Но едва заметное движение воздуха слегка шевелило мои растрепанные волосы, и это означало, что присутствует тяга и должен быть выход. Собравшись духом, поползла в темноту.

Невидимый коридор показался длинным или я слишком медленно двигалась. Пару раз останавливалась, чтобы прислушаться, но слышала только стук собственного сердца и пульсацию крови в висках.

А потом пространство впереди резко расширилось, и появился слабый свет. Откуда он исходил, было непонятно, но свечение было красноватым, и я решила, что это какая-нибудь аварийная лампочка. Замерла. Ничего не происходило. По-прежнему не было ни звука, кроме моего сердца.

Передо мной был огромный зал, погруженный в полумрак. В темноту уходили ряды стеллажей, шкафов, столы с наваленными на них дощечками и иные предметы, некогда составлявшие внутреннее убранство этого места. Всё оно сохранило форму, но утратило жизнь: дерево казалось каким-то сухим и хрупким, как будто малейшее прикосновение должно было обратить его в прах. И вместе с тем ничего не было разрушено окончательно; напротив, в этом неподвижном состоянии ощущалась странная сохранность, будто холод законсервировал это место, которое уже должно было обратиться в тлен.

Наверное, это было что-то вроде библиотеки. Здесь были книги, и простые небольшие, и крупные тома с толстыми обложками и страницами, и свитки. Были и стопки ровных одинаковых табличек. Стены покрывали вытесанные в камне символы. Я подумала, что это какие-то руны. Но ни одна система рунического письма не была мне знакома настолько, чтобы делать какие-то выводы.

Взгляд скользил по этому хранилищу знаний, пока внимание не привлекла одна книга на подставке. Слабый свет исходил именно оттуда, словно сама книга и являлась его источником. Не самая большая, но единственная, которая притягивала взгляд так, будто остальные существовали только как фон для неё. Обложка вполне привычной формы была покрыта золотой сеткой, а в центре сложного золотого орнамента был инкрустирован красный кристалл. Я бы подумала, что это рубин, но камень словно слегка светился изнутри как лампочка — внешнего освещения явно не хватало для такой игры света в его гранях.

И я поползла к ней. В тот момент абсолютной неопределённости это странное сияние драгоценного камня словно обещало быстрый и однозначный ответ на массу вопросов, крутившихся в моей голове. Прикоснуться было страшно. Но у меня не было ни плана действий, ни возможностей, ни даже каких-либо вариантов объяснения происходящего. Я внутренне сжалась, протянула руку и коснулась странного предмета. Ничего не произошло. Открыла книгу. Надежда прочесть что-нибудь полезное тут же испарилась — текст был написан такими же странными знаками, что были на стенах.

Слабость давала о себе знать. Сделав такое огромное усилие, не увенчавшееся ни малейшим успехом, я почувствовала полное бессилие и расплакалась от отчаяния. Свернувшись калачиком прямо на полу рядом с этой невероятной книгой, рыдала в голос, выплескивая стресс, боль и страх.

А потом уснула.

Не знаю, долго ли я спала, но в сумме с момента падения прошло самое малое несколько дней. Не понятно, почему всё ещё могу думать, двигаться, почему тело, которое должно было требовать воды и еды, молчит. Головная боль отступала. Ушибленные ребра едва ныли, хотя я точно знала, что эти травмы должны были причинять сильную боль ещё довольно долго. Словно восстановление шло быстрее обычного, или у меня нарушилось восприятие времени.

Чтобы не сойти с ума от происходящего, от страха и от оглушающей тишины, я начала пересматривать свитки и книги, в надежде найти хоть что-нибудь знакомое. Потом перестала искать в них смысл и просто перебирала их скорее по инерции. Среди свитков и табличек начали попадаться тексты другого типа. Как будто здесь не выписывали отдельные витиеватые

символы, а вели линию. Тексты явно принадлежали разным языковым системам, возможно, привозились из соседних стран. Я остановилась — ничего даже отдаленно знакомого.

Поняв, что не найду здесь ответов, решила сменить тактику — продолжить осмотр места, в которое меня занесло. К этому моменту я уже немного окрепла. Обошла зал по периметру и не нашла других выходов, кроме того, через который попала сюда. Но должен был быть и внешний вход. Вернулась в тёмный проход, исследуя его практически на ощупь. Пантеон и Библиотека были соединены коротким, как оказалось, коридором. Я шла, держась за стену. Было бесполезно ожидать, что глаза привыкнут к темноте — без малейшего источника света всё равно невозможно было что-либо рассмотреть.

Внезапно почувствовала движение воздуха. Да, слабый, но отчётливый приток. Теперь двигалась в темноте, ориентируясь уже только на него, и вскоре уперлась в завал, но на самом верху оставалось отверстие. И я осторожно полезла к нему.

Свет ударил сразу — резкая, холодная белизна снега ослепила меня, заставив зажмуриться. Снаружи был трескучий мороз, от которого кожу тут же начало щипать. И внезапно меня накрыло чувство голода. Я замерла, оценивая разницу между тем, что ощущала внутри, и тем, что чувствовала сейчас. Значит, там внутри действительно что-то поддерживало меня — так же, как и всё это хранилище знаний. Это открытие меня озадачило.

И я решила вернуться внутрь, пока не решу, что делать дальше. Спустилась, сползла по стене и села на пол. Долго сидела в тишине.

Если честно, единственное, что меня действительно интересовало — как вернуться домой. Но было уже понятно: здесь нет ни ответов, ни людей, ни жизни вообще. Только тишина и холод.

Значит, нужно идти туда, где есть люди. Там, где кто-то сможет объяснить, что случилось и куда меня занесло. И, учитывая невообразимый холод снаружи, юг был единственным очевидным направлением.

Я снова выползла наружу и осмотрелась. Дома давно превратились в руины. По размерам завалов можно было предположить, что когда-то это был город, застроенный каменными домами и так тщательно вымощенный камнем, что лес до сих пор не захватил его. Но вокруг, за пределами осыпавшихся крепостных стен, был лес. Глухой, даже не заснеженный, а словно замороженный. Стуча зубами от холода, я поспешила обратно в свое жутковатое убежище.

Если мне предстоит идти через зимний лес, нужно основательно подготовиться. Ещё раз обшарить все углы этого непонятного здания, собрать всё, что может пригодиться. В пижаме такое путешествие по морозу выглядело бы чистым безумием.

Едва возникший энтузиазм тут же улетучился. Пока мои открытия не давали надежд: мёртвый город и тексты, которые я не могла прочесть. Оставалось ещё раз осмотреть Пантеон: круглый зал был огромен, а отверстие в своде — небольшим; края зала тонули в темноте, а я поспешила его покинуть, чтобы уйти подальше от скелетов. И тут я вспомнила про ящики!

В зале валялись несколько ящиков и сундуков — разных по форме и стилю, словно принадлежащих разным эпохам. Такими же были и вещи внутри — похожие на музейные экспонаты. Я уже боялась задавать себе дополнительные вопросы — их было слишком много, а ответа до сих пор не было ни одного.

Копаться в чужих вещах мне было неприятно, но ситуация не оставляла выбора. Живых людей здесь не было, а всё, что сохранилось, давно перестало кому-либо принадлежать. Сейчас важно было только собрать всё, что могло мне пригодиться.

Я переходила от сундука к сундуку, разбирая содержимое. Однозначно, всё это принадлежало женщинам — платья, предметы туалета, украшения. Среди вещей попадались и книги, альбомы для рисования, незавершённое рукоделие. Словно каждая из них собиралась в дорогу и брала с собой то, что могло не только пригодиться в пути, но и занять время, спасти от скуки. Нашла даже лютню — признак чьей-то музыкальной одаренности.

Я уже мысленно прикидывала, как можно перешить тяжёлое платье, отороченное мехом, в более удобную одежду для зимнего перехода. И в этот момент следующая находка ввергла меня в шок!

За очередным массивным сундуком лежал чемодан. Мой красный чемодан — с наклейками аэропорта, которые я так и не сняла после последнего отпуска! Мгновение я просто смотрела на него. Ноги подкосились, и я села на пол. Это было невозможно! Медленно протянула руку и открыла: внутри всё было аккуратно сложено, так, как я обычно и делала. Всё необходимое в любой поездке.

Но я точно знала, что не собирала его. И никуда не собиралась в ближайшее время. Я хорошо помнила, как закидывала его на верхнюю полку шкафа-купе. Обычно между поездками в нем хранились вещи, которые не потребуются ближайшее время, зимой это были дачно-природно-походные.

Холодок ужаса потек по венам. Все это мне совсем не нравилось. Если я не собиралась в поездку, значит кто-то меня собрал и переправил сюда, непонятно куда, с минимальным запасом личных вещей. Возможно, и остальные ящики оказались здесь таким же образом. Я стала частью некого процесса. И осознание этого испугало больше, чем сам чемодан. Похоже на кошмар!

Я зажмурилась, открыла глаза, ущипнула себя. Ничего не менялось. Мне не мерещилось. Сундуки, разбросанные по залу и останки. Их было двадцать девять. Я даже не сразу поняла, что считаю. Просто взгляд перебегал от силуэта к силуэту, от сундука к баулу... снова и снова, пока цифра не стала очевидной сама собой. Двадцать девять черепов среди груды костей. И двадцать девять наборов вещей.

И я. И мой чемодан.

Совпадение было слишком точным, чтобы не иметь смысла.

То, что я осталась жива... было ли это везением? Или моя очередь ещё не пришла?

И от этой мысли что-то внутри резко сдвинулось. Будто оцепенение последних дней наконец слетело, и я снова стала собой. Как бы то ни было — отсюда нужно было уходить как можно скорее. Мысли полетели, обгоняя друг друга. Да, драть когти отсюда как можно быстрее!

У меня был небольшой опыт походной жизни, но это были байдарки. Как водник знала: пешие походы с весом за плечами — это не мое. Выносливости, как и упрямства мне не занимать, но собственный малый вес не позволял мне много нести на себе. Значит, можно взять лишь самое необходимое для выживания. А всё остальное придётся оставить.

Я подумала о простом решении: сшить рюкзак вроде вещмешка для самого необходимого. В чемодан же сложить то, что хочется сохранить, но можно будет бросить в крайнем случае. И придумать что-то вроде санок волокуш, чтобы тащить его по снегу. Сундуки вообще не рассматривала — слишком тяжёлые.

И тут же начала действовать. В моем чемодане оказалась моя собственная одежда, что было идеальным вариантом. Была куртка, хотя она явно не соответствовала морозу на улице. Были и ботинки типа берцев, но недостаточно высокие для хождения по глубокому снегу. Поэтому стоило подготовить полоски ткани, вроде внешних обмоток.

Косметикой я почти не пользовалась, а тем более в поездках, и косметичка была скорее аптечкой и гигиеническим набором. Ещё одна сумочка-косметичка со стороны являла собой странное собрание вещей: фонарик, мультитул, зажигалку — на всякий случай, потому что не курила, кипятильник — потому что я пила чай десять раз в день где бы ни находилась, зип-пакет с собственно черным чаем, металлическую коробочку со швейными принадлежностями — совсем минимум по моим понятиям очень продвинутой рукодельницы, маленький блокнотик и карандаш, небольшую лупу без ручки и ещё кучу всякой мелочи. За эту сумочку друзья иногда дразнили меня препером, которым я вообще никак не являлась, просто была вечно в пути! А в последнее время вообще приходила домой, чтобы принять ванну и поспать.

Ещё в одной сумочке, чуть большего размера, лежал альбом для набросков в жестком переплете, чтобы можно было рисовать на ходу — делать зарисовки на экскурсиях и прогулках, плоская жестяная коробка акварельных карандашей, линеры, кисточки и прочий рисовальной инструмент. Подумав, я решила забрать это с собой — если что, хоть предсмертное послание оставить. Не первая необходимость, конечно, поедут в чемодане.

Обнаружилась пара смен белья и носков, шапка, снуд и перчатки. Местной погоде это все не соответствовало, как и куртка и обувь — все было на весну-осень. На природу зимой я не выезжала — мерзлячка. Но само наличие одежды несказанно радовало! Это снимало основную проблему. И таким образом содержимое чемодана почти целиком надевалось на меня.

Вещмешок, самый примитивный, сразу же начала шить из плотного полотна, найденного в чужих вещах.

Расстраивало полное отсутствие посуды, хотя бы кружки. Одевшись, я решила на ещё один контрольный обход. В зале больше ничего не было — двинулась в библиотеку. Там по углам тоже были какие-то ящики, сверху заваленные табличками. Может что и найду.

Но обнаружились настоящие сокровища! Видимо, когда-то это была чья-то казна. Здесь были монеты, кубки и блюда из золота, мечи и кинжалы с золотыми рукоятками, украшения. Я выбрала одну тарелку и один кубок, ближе всего по форме напоминавший стакан. Показалось насмешкой бросать вещи ради уменьшения веса поклажи, чтобы потом в чаще леса есть с золотой тарелки. Но другого варианта не было. Еще взяла несколько разных ножей или кинжалов: мой швейцарский размером — только карандаши точить. Я рассовала по карманам куртки пять больших золотых монет с изображением розы компаса в орнаменте. Украшения же были вне моего понимания красоты.

А вот несколько украшений погибших женщин взяла. Могут понадобиться, вместо денег и как доказательства наличия этого непонятного места. И продолжила сборы.

Укладывая вещи в чемодан, я продолжала думать о странной книге. В такой большой библиотеке она была выделена, стояла на подставочке и камень слегка светился в темноте. Вот как пить дать в ней есть какая-то важная информация! Я совершила еще один заход в библиотеку и засунула книгу на дно чемодана.

Утром следующего дня оглянулась последний раз на руины.

Впереди ждал трудный путь в неизвестность, но и оставаться в этом пустом месте в полном одиночестве не имело никакого смысла. Ответы, даже если они находятся здесь, были за гранью моего понимания. Чужая письменность надёжно скрывала их от меня. Решение казалось единственно верным и было принято окончательно. Вздыхнув, повернулась на юг и сделала первый шаг.

Компас из косметички препера перекочевал в правый карман. В городах я никогда не блудила, а в лесу без компаса никак не сориентироваться. Не представляю, как там ходят по звездам. Астрономия не была моей сильной стороной. Я знала словосочетание «Законы Кеплера», любила любоваться на ковшики Медведиц и находить Полярную Звезду в паре градусов от них. Узнавала яркую голубую Венеру. На этом мои познания данного предмета заканчивались. В глухом лесу, в короткие и темные зимние дни без компаса — ходить по кругу.

Я визуально наметила путь на юг. Сейчас у меня не было ни планов, ни уверенности в собственной состоятельности, только направление движения.

Самурай! Нет цели — только путь!

Из еды у меня был только любимый чай и десяток слегка помятых бульонных кубиков, которые собирала по косметичкам и карманам куртки — вечно носимый запас. Я всегда таскала их с собой, чтобы можно было выпить кружку горячего бульона и на работе, и в дороге. Это не еда, конечно, а скорее психологическая поддержка — горячий, соленый и душистый.

Волокуша с красным чемоданом легко пошла следом, как собака на поводке. Густой лес принял меня сразу. Через десять минут позади меня, среди деревьев, уже и не видно было оставленных руин.

Первые дни слились в одно сплошное усилие.

Подъём до света — а в это время года света почти не было вовсе — и движение вперёд, пока держали ноги. Наст был очень крепким и хорошо держал, волокуша тоже шла легко, не застревала, потому что в этом холодном климате лес не имел подлеска.

Лес был похож на огромный собор: деревья стояли ровными рядами, как колонны. Высокие, с полностью очищенными от нижних ветвей стволами, они уходили вверх на десятки метров. Я пару раз задирала голову, пытаюсь осознать их масштаб. Вроде бы знакомые мне пихты и сосны, но такие огромные! Метров сорок-пятьдесят в высоту, не меньше. В этом безлюдье и лес был зрелым, величественным, нетронутым.

А потом просто пошла вперёд, то и дело по компасу намечая очередной отрезок пути. Я не знала, насколько длинный путь мне предстоит и решила не терять времени, идти постоянно пока не накопилась усталость. Мне казалось, что день-два, от силы три, и я должна буду достигнуть дороги, железки, деревни, ну хоть чего-нибудь связанного с цивилизацией.

Через час пути я уже слегка запыхалась и согрелась от движения. Стало легче. Вот только мороз больно щипал лицо, пришлось глубже натянуть шапку и намотать шарф в два оборота по самые глаза. Теперь я смотрела на мир через узкую щель.

В лесу не было ни следов, ни звуков, ни движения ветра в кронах. Снег лежал нетронутым. Это было неправильно. Я была городским человеком, привыкшим к шуму, к присутствию других, к тому, что мир всегда подаёт признаки жизни.

Но лес молчал.

Смеркалось. Зимний день короткий. Взошла огромная луна, белоснежный снег отражал свет, словно в этом лесном храме зажгли сотни серебряных светильников. Все было отлично видно, поэтому я продолжала двигаться.

А потом силы резко оставили меня. Я остановилась и плюхнулась на снег, сидела и смотрела на луну, и не думала ни о чём. Не заснула только потому, что холод усилился и начал пробираться под одежду. Пришлось подниматься. Подволакивая ноги, дотащила до поваленной ели, наломала руками тонких веточек, упираясь ногой отломала и несколько более толстых. Рук почти не чувствовала, но зажигалка с третьей попытки дала огонь. Костёр вспыхнул — и это было событием!

Свет сразу отсек меня от бездонной темноты бесконечного леса. Искры со свистом улетали вверх, стремясь присоединиться к звездам. Я примостила золотой кубок с краю костра, чтобы растопить немного снега, и не дожидаясь пока вода закипит, кинула в нее кубик сухого бульона. Это было счастье! Знакомый вкус, тепло в руках, свет и жар костра в лицо. Я вытащила из чемодана плащ на меху, замоталась в него... И уснула сидя.

Проснулась оттого, что тело затекло, холод приникал под одежду. Костер давно потух, углей не осталось, только пепел. Неудивительно: охапка тонких веток — это не дрова. Но brezжил рассвет. Встала, потопала ногами, помотала руками — кровь нехотя пошла по затёкшим мышцам. Оставаться не имело смысла. Лучший способ согреться — идти.

Второй день был похож на первый. И на все последующие, как я позже поняла. Лес тоже не менялся. Те же колонны стволов, тот же нетронутый снег, та же тишина.

Компас, ориентир, отрезок пути.

Компас, следующий ориентир, отрезок пути.

Я шла, слушая скрип снега под ногами. И думала обо всем. Мысли носились туда-сюда, сменяя друг друга. Пыталась понять, что произошло, потом вспоминала события из своей

жизни, внезапно детство, потом думала о работе. Природа не дарила разнообразия, зато мыслей у меня было как у дурня фантиков.

К середине дня поняла, что жду. Просвета между деревьями, запаха дыма, любого звука, столбов, рельсов, просеки. Ничего не было. Лес стоял одинаково во все стороны, сколько хватало глаз.

Под вечер, когда синева снова начала собираться между стволами, я остановилась и честно подвела итог. Два дня пути. Никаких признаков жилья. Никаких следов человека.

Я не паниковала: паника — это роскошь, которую не могла себе позволить. Просто скорректировала ожидания. День-два превращались в неизвестно сколько. Неприятно, но факт.

Развела костёр. Заготовила веток побольше, чем вчера, чтобы хватило на всю ночь. Сидела, греясь у огня и помешивая бульон в кубке тонкой палочкой.

В принципе, я всегда была оптимистичным реалистом, так скажем. Нельзя раскисать, особенно сейчас. У меня был рецепт — в любой ситуации искать хорошее! Это было даже комично, вроде отрицательный опыт тоже опыт. И я подумала, что у меня прямо-таки королевский бульон! В золотом кубке! Чем не плюс, когда других нет? Эта неожиданная мысль показалась такой смешной, что я расхохоталась. А чуть позже уснула, уже лёжа, завернувшись в плащ у огня.

Лес молчал.

А где-то далеко на севере, в начальной точке её маршрута, снег окончательно погребал руины города. Место, которое долгие годы оставалось неподвластным времени, теперь начало возвращаться к нему. Магия, удерживавшая древнюю и бесценную книгу, всё это время создавала слабое поле сохранения вокруг неё. Именно поэтому примыкающие друг к другу библиотека и Храм держались дольше всего. Теперь же это место оставалось без последней защиты: в библиотеке впервые за многие столетия стало так же холодно, как снаружи, книги начали рассыпаться трухой, то и дело тишину нарушал глухой звук падающих полок.

Дни шли одинаково.

Я перестала их считать — это не помогало, только расстраивало. Подъём, скрип снега под ногами, костер. Бульон заканчивался — последние дни разводила по пол кубика. И просто шла. Мысли поначалу ещё крутились, перебирала в голове всякое. Потом и думать перестала. Просто тупо шла вперёд, уже из одного упрямства.

На какой-то день, может десятый, я уже не была уверена — лес начал меняться. Незаметно, постепенно, как меняется свет в комнате, когда облако проходит мимо солнца. Появился подлесок — редкий, но всё же. И снег между стволами уже не был таким нетронутым.

Следы я заметила не сразу. Вернее, не сразу сообразила, что это они. Остановилась, пригляделась и только тогда увидела: цепочка отпечатков уходила наискосок между деревьями. Похожие на собачьи, но очень крупные. Я стояла и смотрела на них дольше, чем нужно. Волк. Или волки. Следы шли друг за другом, след в след, не поймёшь сколько.

Страх пришёл не сразу — сначала просто холодная трезвость: у меня же ничего нет. Мультикул против волка? Я огляделась по сторонам с новым вниманием, прислушалась. Тишина теперь казалась другой. Не пустой, а выжидающей.

Я пошла дальше. Медленнее, тише. Останавливалась, слушала. Смотрела не только вперёд, но и по сторонам, и назад — эта привычка появилась сама собой и быстро начала изматывать. Страх — это отдельная усталость, она накапливается поверх физической и давит изнутри. К вечеру я была измотана так, как ни в один из предыдущих дней. Остановилась раньше, собрала много веток. Всю ночь полу дремала сидя у костра, подкладывая хворост и боясь, что огонь погаснет. Отдохнуть не удалось и на следующий день чувствовала себя разбитой.

Тушу почти прошла мимо. Занос был приличный — холм снега у основания сосны, каких много. Но из сугроба, как ветки, торчали огромные рога, и взгляд зацепился за них. Я аккуратно обошла сугроб по спирали, подошла, ткнула палкой. Твёрдое. Сгребла снег руками.

Наверное, это был олень. Промёрзший насквозь, без запаха, без следов разложения. Мороз сохранил его лучше любого холодильника — стояла рядом и переводила дыхание — не от усилия, от облегчения. Еда. Настоящая. Много мяса!

Достала все имеющиеся ножи, потому что не представляла какой окажется удобнее, и примерилась к туше. Мясо откалывалось кусками с большим трудом, руки уставали быстро. Я работала с перерывами — грела пальцы под мышками, дышала на них, снова бралась за дело. За часа два наковыряла чуть больше, чем могла съесть за несколько дней.

Выворотень нашёлся метрах в ста — огромная ель вывернула корни с целым пластом земли, образовав стенку высотой в пару метров. С подветренной стороны снег был неглубоким, корни давали защиту с трёх сторон. А с четвертой развела костер. Лучше не придумаешь!

Сначала есть было боязно, но голод уже начинал сводить с ума. Поэтому решила быстро. Варила небольшие кусочки, чтобы они точно прогрелись насквозь. Ела медленно и думала, что вкуснее этого мутного безвкусного бульона с мясом в жизни ничего не ела. Много ли надо для счастья!

Остальное решила то ли засушить, то ли закоптить. Уж как получится. Не зря ж мы все в детстве читали Фенимора Купера. Нарезала, насколько получалось, тонкими пластами и развесила на ветках у огня. Сидела, грелась и любовалась этим своевременным подарком судьбы. Стало понятно, что процесс сушки очень даже небыстрый.

А я уже никуда и не торопилась!

И возникла мысль дать себе отдых. Остаться тут, сделать лежанку из пушистых пихтовых веток, вытянуть ноги, греться у костра, есть сколько влезет. Сейчас это само по себе казалось почти раем.

Два дня я никуда не шла. Спала, ела, следила за огнём, довяливала, вроде как, мясо. Тело принимало отдых жадно, как сухая земля воду. На второй день я достала альбом. Рука зависла над чистым листом. Я задумалась о том, что нужно было делать пометки в пути. А вдруг придется вернуться? Рассказать о судьбе девушек. Кто они? Может их ищут. Или искали.

Я пыталась вспомнить маршрут этих дней и поняла, что ничего примечательного в лесу не было. Бесконечные одинаковые деревья. Этот выворот был первой необычной точкой. А пришла я с севера, постоянно по компасу. Зарисовала свое убежище. И огромные олени рога. Я уже сомневалась, что они олени. Слишком большими были и по форме, чем-то средним между оленьими и лосиными.

Мясо получилось сносным. Жёсткое, конечно. Но хотя бы не сдохну с голода.

На третье утро я собралась, распределила подсушенное мясо по карманам, в вещмешок и часть в чемодан, и снова взялась за верёвку волокуши.

Снова на юг.

Теперь дело шло ещё хуже. Я постоянно проваливалась в снег, под которым не видно было неровностей почвы, спотыкалась о корни, обходила завалы из упавших деревьев, между которыми густо взошла поросль. Волокуши цеплялись за подлесок.

Следы волков не давали покоя. Огонь их держит — не то, чтобы я была уверена, но точно читала об этом. Теперь костёр на ночь — это не комфорт — это необходимость. Хворост надо заготавливать с запасом. А он, зараза, так быстро прогорает. Но дрова мне были не доступны: ни пилы, ни топора у меня не было.

Последующие дни были копией предыдущих, только еще страшнее. Следы животных встречались теперь регулярно. Я заставляла себя не думать об этом, потому что решения не было, но понимала: если встречу хищника — это будет последнее, что увижу в жизни. Ночи проводила у костра, дремала урывками, просыпалась подкинуть хворост. Он заканчивался бессовестно быстро, собирала его много и всё равно до утра едва хватало.

Иногда, когда силы совсем покидали меня, я падала на спину, лежала, глядя в небо и думала, что, пожалуй, уже сдохла бы здесь и сейчас, но потом замерзала, начинала ерзать, ругала себя, вставала и топала дальше.

Мне везло. Ещё около недели не попадалось ничего, кроме следов. Постепенно я начала выдыхать. Страх не ушёл — просто занял своё место где-то на фоне, рядом с голодом и усталостью. Стал ещё одним фоновым неудобством.

Постепенно стал меняться и рельеф. Волокуша, которая до этого тащилась сносно, теперь упиралась при каждом подъёме, на каждом склоне она норовила съехать в сторону, вбок, утащить меня за собой. Я уже вспомнила все известные мне матные слова, ругаясь сначала про себя, а потом и в голос.

Несколько раз останавливалась и смотрела на красный чемодан с нехорошими мыслями. Потом всё равно тащила его дальше. Там была смена сухого белья, шерстяное одеяло и музейный плащ из шерсти на меху — без этого добра не выжить, альбом, немного спрятанных за подкладкой украшений на крайний случай. Бросать было нельзя. Это казалось принципиальным.

Между деревьями начали появляться скалы — сначала отдельные валуны, потом целые выходы породы, серые, в рыжих пятнах лишайника. Лес раздавался в стороны, огибая их. Я смотрела на эти скалы с интересом, который появляется, когда долго смотришь только на деревья.

Однажды ближе к вечеру нашла небольшую пещеру, а скорее глубокую нишу в скале, но с навесом и сухим полом. Аккуратно заглянула, зашла, потрогала стены. Сухо, а главное, сюда не задувал ветер.

И осталась на три дня. Спала по-человечески, горизонтально, без страха, что огонь погаснет. Каменный свод удерживал тепло, позже камень и сам прогрелся и стало даже уютно.

К сожалению, не было посуды, чтобы нагреть больше воды и хотя бы обмыться, да и стирать одежду я не решилась. Зимой она и не высохнет, поди, а мокрые вещи в таком холоде — это однозначная смерть. Набрала веток брусники под снегом у камней и заварила горьковатый чай. Бросила в него шишечку. Получилось что-то отдалённо напоминающее отвар из детства, который бабушка делала при простуде. Я пила и вспоминала бабушку.

Она была не столько умной, сколько обладающей особой мудростью. Хотя в детстве я считала ее странной. Бабушка любила растения, это я унаследовала от нее. В ее квартире было много книг по ботанике и дендрологии. «Ботанический атлас» я засмотрела до дыр раньше, чем научилась читать. Бабушка любила собирать травы и заваривать смешанные травяные чаи. В этом я её не поддерживала и страстно любила чистый черный чай.

Бабушка была странноватой, но очень меня любила. Она была представительницей хоть и не богатого, но довольно древнего для России рода, тянущегося корнями в ещё допетровские времена. Наверное, поэтому она придавала такое значение всяким семейным байкам и историям, среди которых была и история вышеупомянутой Катерины.

Но вот за что я на нее очень обижалась в детстве — за то, что она приложила руку к моему именованию. В семье меня звали Лелией, друзья Лёлей, отчего незнакомые думали, что я Оля... Но по паспорту я была Аурелией.

В детстве я ненавидела свое имя! Оно прямо выдёргивало меня из сообщества Наташ, Ирок, Светок и прочих нормальных девчонок. Я постоянно спрашивала родителей, зачем они меня так обидели, назвали бы хоть немного более нормальной Лилей. Родители открестились

и сказали, что все претензии к бабушке, это она настаивала. Через месяц я уже мечтала быть Снежаной. Потом еще кем-то. Короче, имя не приживалось.

Когда мне было около семи лет, родители взяли меня в театр оперетты на «Сильву». Следующую неделю я страдала, что меня не называли Сильвой. Папа резонно заметил, что это имечко куда как более странное, чем моё. Его довод возымел смысл, я прозрела и даже порадовалась, что не Сильва и, наконец-то, органически приняла Аурелию. И простила бабушке прегрешение моего именованья.

Я сидела, прислонившись к тёплому камню и вспоминала, как она наставляла меня:

— Вот познакомишься с парнем, не смотри красивый ли он, весёлый, богатый или нет. Все это не важно! Закрой глаза и представляй его лицо, как смеётся, как смотрит на тебя. Замирает, когда смотрит? Видишь в его глазах такой особый, вроде как огонек? Ты слушай меня, детка! Я и сама правильно выбрала, и матери твоей подсказала, и тебя научу!

Иногда я ходила на свидания, в кино или в театр, погулять по парку. Но не влюблялась. Холодная кровь спокойно текла по венам. Смотрела в глаза своих кавалеров и не видела там никакого особенного огонька. Не видела его и моя бабушка. А я специально приводила их пить бабушкин противный травяной чай.

Лес расступился и впервые за долгое время я вышла на открытое пространство. Это был берег очень широкой замёрзшей реки. К сожалению, она шла не с севера на юг, и, по сути, преграждала мне путь. Несмотря на сильный мороз, я побоялась ступить на лёд, и решила какое-то время двигаться на юго-запад по берегу. Вдоль берега шел каменный уступ со столь идеально ровной поверхностью, что после леса казался дорогой. Сметаемый ветром, снег лежал здесь тонким слоем. Идти было легко, и я немного расслабилась и повеселела.

Зверь стоял на том берегу.

Я увидела его краем глаза и остановилась так резко, что волокуша стукнула меня по пяткам. Большая рыжевато-серая кошка, похожая на массивного леопарда, с тёмными пятнами на шкуре. Она рвала тушу какого-то крупного животного и не смотрела в мою сторону. Я же смотрела на неё и не дышала. Из-под верхней губы торчали два белых изогнутых очень длинных клыка. Я постояла, наверное, с минуту, а потом очень тихо и медленно попятилась назад. Спустилась с каменного уступа и пошла дальше вдоль берега, не отрывая от неё взгляда. Она не подняла головы.

Река поворачивала и в этом месте, видимо, разливалась. Широкое ледяное поле поблескивало в свете дня, разделяя нас. Здесь лес снова подступал к самому берегу, я быстро проскочила между деревьями, остановилась отдышаться и долго стояла, прислонившись спиной к стволу.

Показалось. Наверное показалось. Я не высыпаюсь, давно не ела нормально, шла уже невообразимо долго — мало ли что мерещится. Тем более на таком расстоянии.

Я почти полностью убедила себя в этом.

Странности начала замечать раньше — просто не было сил складывать их в единую картину. Сосны и пихты были вроде те же, но невероятно высокие, с необъятными стволами. И кора. Однажды я даже остановилась, чтобы потрогать ствол руками. Фактура коры была странной. Не привычные продольные трещины, а что-то вроде ромбовидных, почти идеально одинаковых пластин. Те же деревья, но словно в другой коже.

Следы животных были слишком большие. Я не была специалистом по фауне — так, общее развитие, детские рассказы о животных. Но след, который я увидела пару дней назад был размером чуть не с мою голову. Ни один известный мне зверь таких следов не оставляет.

И эта необжитость. Не просто тайга без людей. А много дней пути без единого следа человеческой деятельности. Где это в мире сохранились такие необъятные нетронутые леса?

Я складывала всё это медленно, как бы нехотя. Сознание материалиста сопротивлялось — потому что если все сложить, то вывод получался неудобным. Мне совсем не нравились дикие мысли, что лезли в голову.

А потом я спустилась в низину. Деревья здесь тоже были огромными. Стволы в несколько обхватов покрыты характерной красновато-коричневой волокнистой корой. Я обошла ближайшее дерево по кругу и задрала голову. Это была секвойя. Много секвой. Целый лес!

Я знала эти деревья, видела в ботанических садах. В естественной природе они растут только в Северной Америке. Больше нигде на земле их нет — это реликт, сохранившийся с доледниковых времён. Судя по отпечаткам в каменном угле, они росли повсеместно, но после климатических изменений сохранились только там. Словно Скалистые горы прикрыли небольшой кусочек леса от гигантской волны, слизавшей секвойи с лица планеты.

Я стояла между этими стволами и думала. Подумать было о чем. Вопросы множились как бактерии в благоприятной среде, а ответа не было ни одного.

Села у корня секвойи, он был огромен. Мысль, которую я последние дни старательно обходила стороной, никуда не девалась. Она ждала, пока я устану её избегать.

Итак, что имеем. Воздух нормальный — дышу без проблем уже с месяц, значит состав атмосферы тот же. Сила тяжести та же, ничего не изменилось в том, как ведёт себя тело. Вода замерзает и кипит штатно. Огонь горит. Физика работает.

Растения узнаваемые: пихты, сосны, теперь вот секвойи — их я знаю точно, перепутать невозможно. Но огромные! Животные: следы слишком крупные. Олень — или что это было — со странными рогами. И то, что я видела на том берегу реки. Я вздохнула. Саблезубые кошки вымерли около десяти тысяч лет назад. Это общеизвестный факт, школьная программа. И лесов такого масштаба, совершенно нетронутых, без единого следа человека — таких на Земле не осталось нигде и давно.

У меня родилось две версии, одинаково безумные.

Первая — параллельный вариант Земли. Та же планета, но история пошла иначе. Ну а что? Посмотреть передачу «Необъяснимое и невероятное», ещё и не такого наплетут, а главное — докажут! Но все равно, мне «советскому пионеру», было странно думать об этом.

Вторая версия была ещё более дикая: сдвиг во времени. Прошлые, десятки тысяч лет назад. Её я отмела сразу и без сожаления. Не потому, что страшно — хотя и страшно тоже. Просто это физически невозможно. Закон сохранения энергии не оставляет лазеек: нельзя живое тело переместить во времени. Фантастика — это красиво, но у меня техническое образование, и некоторые вещи из головы не выбьешь. Значит — первая.

Я сидела на корне и «зрила в корень» по Козьме Пруткову, и думала, что это звучит как бред. Параллельная Земля! Такое бывает в фантастических книгах, но не в жизни. Фантастику я никогда не любила. Но вокруг меня был лес секвой, и это точно была не Калифорния.

Ладно. Где бы я ни была, все равно следовало идти на юг. Хотя бы потому, что там теплее. И кто-то жил раньше в том заброшенном городе, писал и собирал эти книги на непонятном языке. Значит, люди тоже где-то должны быть. И если они не идиоты, то тоже живут на юге. На берегу чудесного теплого моря!

И пока моя единственная цель — дойти туда.

Я встала и взяла в руку верёвку волокуши.

Лес секвой был совсем другим. Масштаб был такой, что я почувствовала себя мышью. Чемодан тащила легко, подлеска опять не было. В лесу совсем не было ветра, от этого казалось теплее. А может и правду потеплело. Я же почти месяц иду на юг!

А ещё тут был запах. Лёгкий, сладковатый, чуть смолистый запах. Я подошла к ближайшему стволу и ткнулась в него лицом — нелепо, наверное, но кто меня увидит?! В голову лезла какая-то ерунда про друидов, которые обнимали деревья и черпали из них силу. Постояла так несколько минут и пошла дальше.

Ещё через пару дней лес начал редеть, стало заметно больше света. Я прибавила шаг. На что надеялась? Что выйду из леса, а передо мной город!

И вышла.

Передо мной лежала широкая долина — белая, продуваемая всеми ветрами, с редкими кустарниками. А за ней, за всей этой белизной, стояли горы.

Гор я тоже повидала всяких: и Кавказ, и Альпы, и старый добрый Урал. Передо мной были не они: огромная горная система, со снежными шапками, уходящими в серое небо так высоко, что верхушки терялись в облаках.

Я застонала и начала тщательно рассматривать долину, в надежде что найду здесь какой-нибудь населенный пункт, дымок, дорогу. От мысли, что придётся преодолевать горы, меня затошнило и голова закружилась. Стресс дал о себе знать и организм пошел вразнос. Резко скрутило желудок.

Я бросила чемодан и вернулась в лес, нашла дупло в основании одной из секвой, завернулись плотнее в плащ и буквально упала. Меня мутило и мелко потряхивало. Плохо было как физически, так и душевно. Депресняк накатывал волнами, как и рвота. Трясущимися руками кое-как достала из кармана таблетку шипучего Эффералгана и заела её снегом. У меня сложилась новая традиция — поплакала и уснула.

Когда проснулась, слабость была ужасная, но голова абсолютно ясная.

Было очень обидно. Такое разочарование после месяца усилий на грани моих физических сил!

Вот только теперь я из вредности не сдамся!

У меня было странное убеждение, что если найду цивилизацию, то мне помогут найти ответы. Где я вообще? Как попала сюда? Как вернуться домой? Как там говорят: лучше сдохнуть на пути домой, чем так жить.

А путь домой делал крюк через горы.

Я выползла на четвереньках из своего дупла. Оказывается, внутри было тепло, наверное, от гниющей древесины. И стало так жалко покидать такую хорошую норку, что грела меня даже без костра. А в нескольких десятках шагов призывно краснел брошенный чемодан.

Снова на юг, мать его!

Видимо, этот долбанный юг был все ближе. На южных склонах весна медленно вступала в свои права, местами появились проталины, журчали под снегом невидимые ручьи. Здесь росли и хвойные, и лиственные растения. В какой-то день я ошалело застыла перед гигантским хвощом в два-три моих роста.

Мои фантастические версии становились все более очевидными. И я привыкала к мысли, что все возможно. Может учёные ошибаются. Для моего поколения наука стала новой религией. Не означает ли это, что мы так же принимаем на веру всё то, что изучаем с детства. Может усомниться в одном из главных постулатов земной физики? Похоже, я сама себе была примером такой ошибки.

Солнце пригревало и после месяцев жуткого холода настроение на глазах улучшалось.

Однажды я вышла к большому углублению в камне, заполненном чистой талой водой. Я, городская девочка, не мылась целиком уже пару месяцев и ненавидела саму себя такую грязную. Невозможно было пройти мимо такой возможности. Камень был черный, солнце хорошо нагревало его и от влажной поверхности поднимался пар. Но вода оставалась холодной. Я рьяно

взялась за работу: собрала большой костер, грела камни и сталкивала их в эту природную ванну. День туда — день сюда. Путешествие казалось бесконечным, один день ничего не изменил.

Это джакузи с видом на величественные горы показалось сказочным чудом. Я бы ни за что не покинула его, если бы вода не остыла. Быстро переоделась, простирнула в остывающей, но все же не ледяной воде одежду и разложила на теплой черной поверхности. Пока это был лучший день за последние пару месяцев. Я сидела на теплом камне, свесив ноги, подставляя лицо солнцу и поглядывая на раскинувшуюся передо мной долину горной реки. Наверное, это был прототип рая: здесь были и мягкие зелёные луга, и перелески, река бежала по камням, кое-где спадая небольшими живописными водопадами. Подумала, что, если не суждено вернуться домой, я бы поселилась где-нибудь здесь. И сразу отогнала эту мысль. Я начинала смиряться с действительностью, а нужно было думать о возвращении!

А что вообще сейчас происходит дома? Наверное, меня ищут. Катерину тоже долго искали, не сдаваясь, нанимая частных сыщиков. А в наше время и подавно милиция будет искать. Но я-то знала, что все это бесполезно. Её скелет покоился сейчас на холодном полу странного Пантеона. Мне стало жалко себя, и своих родителей и бабушку. Они же не знают, что со мной произошло!

Я обводила взглядом пейзаж и вдруг увидела тонкую струйку дыма, поднимающуюся откуда-то из-за леса.

Руки затряслись первыми, противно, как при сильном ознобе. Потом колени. Я слезла с камня и тут же села обратно — ноги просто не держали. В ушах зашумело.

Дым! Там люди! Там люди! Там люди!

Мысль была простая, но мозг её не вмещал и крутил по кругу, как заевшую пластинку. Я сидела и тряслась, смотрела на эту тонкую струйку дыма над лесом, и ничего не могла с собой сделать. Вообще не понимаю, как меня не жажнул инфаркт!

Значит, люди. Которых я искала два месяца, ради которых тащилась через тайгу и горы. Вот они, за лесом.

Встала. И снова села.

Потому что вдруг поняла кое-что неприятное: я так долго и упорно шла к людям, что забыла подумать — а что, собственно, будет, когда дойду? Пару месяцев была одна цель — дойти. А дальше что? Здравствуйте, я заблудилась, не подскажете дорогу домой?

Эти люди — не наши. Я это знала уже давно, просто не давала мысли дооформиться. Другой мир, другая история, другая культура — какая, я понятия не имела. Может, охотники. Может, кочевники. Может, вообще кто угодно.

Я одна. Девушка. Непонятно откуда, говорящая на языке, которого здесь, скорее всего, никто никогда не слышал. С красным чемоданом на веревочке.

Хищники, по крайней мере, предсказуемы. Они едят, когда голодны, и проходят мимо, когда сыты. С людьми всё сложнее. Люди могут быть как добрыми, так и жестокими. Как они смотрят на чужаков? А я чужак. Максимально чуждая этому миру. Я сидела, смотрела на дым и думала, что хищников, кажется, уже боялась меньше.

И всё-таки идти было нужно. Выбора не было тогда на руинах, не было его в лесу, не было и сейчас. Только теперь страх был другим — за то каким будет этот первый контакт.

Собиралась как-то нехотя, словно через силу.

2

Небольшое поселение увидела с холма. Все страхи разом обуяли меня. Спрятавшись за скалой, я наблюдала за деревней. Домики, округлые в плане, сложенные из неотёсанных камней, были крыты травой и шкурами. На крышах и над входными проёмами были черные пятна копоти — признак, что топились дома по-черному. Труб, кстати, не было. Несколько костров горело на улице между домами. Возле них возились женщины и несколько детей. Мужчин я не заметила. Люди были какие-то... Я не могла подобрать слово. Дикие? Примитивные? Нельзя же клеймить их только по внешнему виду. Но вид был неказистый. То ли очень смуглые, то ли настолько грязные, в простых темных рубахах, лохматые, босые. Мне резко расхотелось выходить к ним. И я начала обходить деревню, надеясь, что меня не заметят.

Вот тебе, Лёля, и люди, к которым ты так стремилась! Но если честно, я рассчитывала совсем не на это! А на тех представителей рода человеческого, что создали столько прекрасных книг, лежащих в хранилище заброшенного города. Тех, кто хранит знания этого мира. Кто может дать мне ответы, в конце концов.

А эти... Эти люди явно были не теми, кого я искала. Но, может быть, я просто рано разочаровалась. Это была первая деревня от гор, самый край обитаемых земель, почти высылки. Разве могла я ожидать здесь увидеть то, что искала? По окраинному поселению нельзя делать выводы о государстве. В России полно богом забытых деревень, где нет ни дорог, ни электричества, не говоря уже о других благах. Смешно было бы судить о стране, а ещё лучше о Москве или Питере, по таким образцам.

Где-то должны быть и другие места. Дороги. Большие селения. Настоящие города. Теперь я знаю главное: люди здесь есть. Может быть, дальше будет иначе. Может быть, чем ближе я подойду к сердцу этих земель, тем больше увижу признаков развитого мира.

С такими мыслями я продолжила путь.

Решила не спускаться к реке, на берегу которой стояла деревня, и предпочла держаться гор. И вот отсюда, сверху, я заметила тропу. Это не была дорога в привычном мне понимании, но хорошо утоптанная тропа. Значит по ней часто ходили, значит есть связи, и деревня действительно лишь один узел в сети.

Тропа уверенно вела к другой деревне, такой же убогой, как и первая. Такие же домики с закопченными крышами, костры, босоногие дети. Старик сидел на бревне у плетня на краю деревни.

И снова я замялась не зная, что предпринять. Но ещё раньше, чем успела укорить себя за нерешительность, поняла, что меня уже ждали. Группа женщин, детей и стариков вышла к невысокому плетню и смотрела в мою сторону. Чуть в стороне стояла группа мужчин с луками и копьями, видимо, местные охотники.

Ну конечно! Надо же быть такой дурой! Я волокла чемодан. Представляю какой след он оставлял на влажной земле. Да для охотника это как след от плуга! Меня явно давно заметили, и придется выходить. Я собралась духом и двинулась в сторону собравшихся.

В их внимании не было враждебности. Скорее осторожное любопытство — как к явлению, которое не вписывается в привычный порядок вещей. Они жадно рассматривали меня, вытягивая шеи. Все молчали. Это молчание было выжидающим. Я выдохнула и заговорила первой. Стараясь говорить как можно мягче, почти нараспев сказала:

— Добрый день. Меня зовут Лелия. Я ищу дорогу в город.

В данном случае я могла говорить что угодно, да хоть просто набор несвязанных слов. По напрягшимся лицам было видно — они меня не понимали.

Я задумалась, поглаживала пальцами кулон Катерины, который неизменно носила на себе — это была единственная связь с утраченной семьёй. В какой-то момент камень сверкнул на солнце и снова все незримо изменилось — молчание местных стало почти благоговейным. Теперь все смотрели на горящий на солнце опал. И хоть они не понимали мою речь, зато хорошо знали, что не может принадлежать существам их порядка.

Старик сказал что-то отрывисто, и группа расступилась, как бы предлагая мне войти в деревню.

Я снова замялась. Хорошо понимала, что значит жить в таком месте: общая утварь, плотный быт, отсутствие привычных мне условий чистоты. Всё то, за что можно поплатиться здоровьем. Сделала шаг назад — не резко, но достаточно ясно, чтобы они поняли: я не намерена пересекать границу и останусь снаружи.

И снова что-то изменилось — возникло некое узнавание. Как будто они увидели нечто знакомое в самой форме моего поведения. Люди переглянулись, все отвели глаза, избегая рассматривать меня напрямую. Лишь старик задержал взгляд чуть дольше остальных, и было в нем не оценка неизвестного, а сопоставление с чем-то уже виденным. Будто мой отказ входить был не странностью, а установленным ранее правилом.

Только я этого правила не знала.

Никто больше не предлагал войти, но напряжение не усилилось. Наоборот, словно что-то внутри их системы понятий окончательно встало на место. Они приняли дистанцию и начали действовать в её рамках.

Сначала появилась еда. Женщина осторожно поставила у плетня плоский сосуд из обожжённой глины и отступила, не задерживаясь. Содержимое сосуда впечатление на меня не произвело, а вот самой посуде я была несказанно рада. Я медленно подошла, взяла предложенное и направилась к реке. Там, незаметно вытряхнув жуткую темную кашу, тщательно вымыла горшок. Впервые за долгое время у меня появилась нормальная ёмкость. А вот хлеб я съела. Мне пришлось контролировать себя, чтобы не наброситься на эту серую лепешку с характерным мучным запахом.

Стало ясно, что путь вымотал меня. Я держалась из последних сил. Слишком много переходов, слишком мало нормального отдыха, постоянное напряжение — всё это постепенно накопилось и в какой-то момент перестало компенсироваться. И я решила позволить себе остановиться, потому что дальше идти уже не могла. Снова выбор совпал с необходимостью.

Поднялась немного по пологому склону и выбрала участок у воды — выше по течению, где река ещё была чистой и не принимала стоков деревни. Здесь влажная земля, согретая солнцем и защищённая горой с севера, была прогрета весенним солнышком, и зелёная трава успела отрасти мне по щиколотку. Я плюхнулась на этот мягкий природный ковер. Казалось, сама весна расстелила его передо мной.

День тем не менее быстро клонился к закату, резко стало прохладнее, сразу откуда-то потянуло холодным ветром. Ох уж мне этот переменчивый горный климат! Я достала из чемодана плащ. Это роскошную вещь я не воспринимала такой, в походе до сих пор ценила лишь ее утилитарность. Плащ был жутко тяжёлым, но и столько же не продуваемым и теплым! А любоваться его красотой у меня не было сил. Он был сшит из хорошего шерстяного сукна, и почти сплошь вышит золотой нитью. Сейчас, в косом оранжевом свете заходящего солнца, он матово блестел. К какой эпохе он относился, сложно было определить. Потому что вплоть до XIX века верхние накидки-плащи, по сути, имели один и тот же крой — круг из ткани с вырезом под горловину и с разрезом спереди. Это позволяло запахнуться в него в холода поверх любой одежды, и даже при верховой езде. Это был большой кусок ткани, что позволяло мне использовать его как замену спального мешка: я ложилась на один край и закутывалась целиком другим. Провела рукой по поверхности, рассматривая рисунок вышивки: золотые ветки с

листьями и ягодками широкой каймой шли по всем краям. Я бы отнесла его к восемнадцатому веку. А вообще, какое это имеет сейчас значение?!

Полянка словно ждала меня: здесь чисто, вода рядом, солнце держится дольше, чем внизу у деревни. Если оставаться — то здесь.

Если оставаться.

Мысли толпились в голове, но от усталости я даже систематизировать их толком не могла. Подумала, а безопасно ли здесь ночевать, что охотники меня явно не выпускают из виду, и что надо как-то решать, хорошо это или плохо. Но ничего не придумывалось. Уходить было поздно. Солнце вот-вот спрячется за одну из гор, а значит темно станет даже раньше. Да и охотники, умеющие выслеживать животных, при желании найдут меня быстро и легко. Я не умею влиять и заметать следы. Каким-то особым чутьем понимала, что и сейчас меня не оставляют без присмотра. Явно рассматривают.

Ни одну из этих мыслей я не додумала. Провалилась в сон.

Старик медленно поднялся на скалистый выступ, где двое охотников молча дежурили весь вечер. Он устало опустился рядом с ними и перевел взгляд вниз.

Девушка лежала в центре круглой поляны, накрытая плащом. В свете заката вышивка блестела темным золотом, окутывая спящую волшебным сиянием.

Старик напряжённо думал. Кто она такая? Она пришла с гор. Одна. Белая, как снег на вершинах, с волосами цвета сухой травы и глазами цвета весеннего неба. Говорила на языке, которого никто не слышал. Не вошла в деревню — остановилась у границы, как будто знала, что так положено. Она не боится, не просит, не торгуется, не входит в их дома.

И этот камень у неё на шее! Он не был уверен, в том, что увидел именно «Слезу Дракона», но в любом случае огромный драгоценный камень — признак власти. Простым людям запрещено украшать себя подобным образом. Да что там, простой охотник за всю жизнь не накопит денег и на один маленьких камешек. А это был огромен! Завтра он присмотрится повнимательнее, чтобы точно понять.

Старик видел «Слезы Дракона» раньше: в глубине камня была заключена радуга. Он знал и легенду появления этих камней от предков: когда одинокий дракон плачет в небе, его слезы впитывают свет солнца, пока летят до земли. Тяжелы следы драконов! Они пробивают землю и уходят вглубь нее. Поэтому людям приходится добывать эти камни с больших глубин. Это тяжелый труд!

Он молчал, погруженный в свои мысли и смотрел вниз. Внизу на поляне золотой плащ медленно гас вместе с солнцем. Девушка спала.

Старейшина ещё долго обсуждал что-то с охотниками, потом один из них помог ему спуститься в деревню, второй же остался на посту. Ещё до рассвета из деревни на тропу вышел паренёк. Он держал путь в город.

Я проснулась оттого, что солнце нагло светило в глаза. Сначала прислушалась к окружающей природе и к внутренним ощущениям. Все было спокойно, где-то рядом щебетала птичка, жужжали насекомые, доносились приглушенные звуки деревни. Я осторожно приоткрыла глаза, рядом никого не было. Значит, мои страхи не оправдались. Опасность от местных жителей мне не угрожала. Я окончательно открыла глаза и с удовольствием потянулась.

Солнце стояло высоко. Значит, спала долго. Это было и понятно: несколько месяцев подряд страх не давал мне заснуть, я подремывала, постоянно прислушиваясь к звукам леса и периодически подкидывая хворост в костер, ни разу не погружалась в фазу глубокого сна. Ещё

раз оценив высоту стояния солнца, прикинула, что сегодня спала часов двенадцать, не меньше. Сейчас тело постанывало от приятной расслабленности.

Я медленно села. На краю поляны, со стороны деревни, был расстелен кусок полотна, а на нем стоял горшок, накрытый стопочкой лепёшек. Хвала небесам! Меня не только не убили и не ограбили, но и кормят!

Под ложечкой засосало и я было направилась к еде, но тут же передумала, повернула к речке и пошла умываться. Все процедуры, вместе с расчёсыванием и заплетанием, заняли не более десяти минут, и вскоре я с удовольствием жевала лепешки и детально обозревая свою полянку.

Место я изначально выбрала хорошо. Профессиональный взгляд! Почти идеально круглая, она располагалась на уступе горы и чем-то напоминала огромную террасу, нависающую над деревней. От деревни вверх скала образовывала стену высотой в несколько метров. С противоположной стороны так же резко вверх поднимался следующий уступ, образуя стену. По правую руку текла небольшая горная речка. Таким образом зайти в это выделенное пространство можно было только с одной стороны. Видимо, слой почвы на этом выступе скалы был неглубок, поэтому деревья здесь вырасти не могли. Но вот кустарники росли прекрасно, создавая плотную зеленую кулису на добрую половину моего балкона. Вот только крыша моя сейчас — небо голубое. И я не выбирала жить такой судьбоооооююю!!!

Кто-то или что-то выбрало за меня и ещё несколько десятков несчастных, не спросив нашего мнения. Подумав об этом, я почувствовала себя малюсенькой пешкой на божественной шахматной доске. Стало жутковато, словно незримое божье око постоянно следит за мной! Тут меня позвала природа. Думать о том, что оно следит за мной, когда я бегаю в кусты, не хотелось. Поэтому быстро переключившись на «да кому я нужна, следить за мной!», оглянулась по сторонам и шмыгнула в зелёный туалет.

Видимо, я устала страдать, поэтому все меня радовало. И в целом то, что жива. И солнце, и утро, и журчание речки, и зелёная травка! Особенно радовали лепешки.

После перекуса мысли потекли в привычно-рациональное русло. Если оставаться здесь, то нужно построить для начала хотя бы навес от дождя. Как архитектор, в строительстве я понимала. Помимо теоретических знаний, я многое умела делать сама. Еще до покупки квартиры за копейки купила под дачу дом в глухой деревне с сорока сотками запущенного участка и с тех пор постоянно что-нибудь ремонтировала или перестраивала. Разобрала старую веранду, пристроила новую, построила теплицу, сарайчик в виде красивого садового домика, сделала шпалеру для плетистых роз и клематисов.

В детстве на летних каникулах, с подачи вездесущей бабушки, я много времени проводила или с папой в гараже, или с дедом в его мастерской: строила шалаши, вырезала рогатки, пыталась сколотить будки для бездомных собак. Дед учил пользоваться столярными инструментами. Это не было глубоким изучением столярного мастерства, тем не менее я не шарахалась в сторону при слове зензубель. Ремонт в квартире я тоже делала сама. В последние годы жизнь резко изменилась, в открывшуюся страну хлынуло много чужих и новых технологий. С профессиональной точки зрения, мне было интересно во всем детально разобраться.

Короче, я была далеко не неумехой! Конечно, современные инструменты очень упрощали работу. А сейчас у меня не было вообще никаких инструментов, кроме кинжалов, больше похожих на ритуальные. Надо хоть топор занять у местных аборигенов.

А как им объяснить, что мне требуется? Я ещё повалялась на травке. Размышляла о возникшем языковом барьере. Мысль рисовать картинки показалась мне гениальной! Для меня — *homo delineans* — то есть человека рисующего, такой смысл передачи мыслей через образы, казался наиболее перспективным. Вырвав лист из альбома, нарисовала топор и ведро, встала, приложив руку ко лбу, стала искать ближайших ко мне людей.

И тут заметила охотника, сидевшего на корточках, вроде наших гопников, на небольшом уступе скалы выше по тропинке. И направилась к нему. Он встал, при этом держа копье наконечником в землю. Значит, не угрожает.

Мужчина рассматривал меня с особым любопытством. Если в глазах старика читался огромный жизненный опыт, то этот молодой мужчина ещё не успел повидать всякого, и такое событие поднимало его на новые высоты в собственных глазах — эту историю можно будет пересказывать своим соплеменникам, детям и внукам много лет подряд.

Я остановилась, протянула ему рисунок, рукой указала на деревню, а потом ткнула себя в грудь. Пойди туда, возьми такую штуку и принеси мне! Что не понятно? Большого придумать я сейчас не могла и очень надеялась, что такой прием сработает. Мужчина отмер, аккуратно взял лист и побежал к деревне. Я видела, как к нему на встречу спешили соплеменники.

Охотник вернулся не один. За ним шёл старик — неторопливо, с достоинством, как будто это он принял решение прийти, а не его позвали. В руках у охотника был топор — небольшой, бронзовый на вид, но явно рабочий. Я взяла его двумя руками, осмотрела, кивнула.

Показала на второй рисунок — ведро. Показала на речку, потом на себя, потом изобразила, как зачерпывают воду. Старик смотрел на рисунок, сказал что-то охотнику. Тот кивнул и ушёл, но вскоре вернулся с большим сосудом, похожим на кувшин.

И тут я почувствовала облегчение — мы нашли общий язык.

Все это время из-за спины взрослых выглядывал мальчишка — лет пяти-шести, сложно было судить о возрасте людей чужой культуры. Мальчуган смотрел на меня во все глаза, без страха, с таким интересом, что я невольно засмеялась. Дети везде одинаковые. Я присела на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне, и протянула ладонь. Он смотрел какое-то время, лицо выражало некую внутреннюю борьбу, а потом осторожно ткнул пальчиком в середину ладони. Я наигранно ойкнула. Мальчик вздрогнул, вскинул взгляд, но, увидев мою улыбку, расслабился и тоже смущённо улыбнулся. Я подмигнула ему и выпрямилась. Слегка кивнула мужчинам и пошла «к себе».

По пути рассматривала растительность вокруг. С крупными деревьями мне не справиться, это тяжёлый труд. Недаром лесорубы всегда слыли здоровенными парнями. Поэтому все на что я могу рассчитывать, это жерди из молодых деревьев. Надо решить, что строить. Нужно укрытие, как минимум на случай дождя. Значит, надо начинать с навеса. Это намного удобнее шалаша, позволяет ходить в полный рост, а не ползать на коленках. И вариантов конструкций навесов из жердей было превеликое множество: от тех, что сооружали реконструкторы средневековья, до стильной японской архитектуры из бамбука.

Поэтому побрела к небольшой рощице недалеко. Какие-то незнакомые мне деревца, похожие одновременно и на осины, и на березы, с удивительно ровными цилиндрическими стволами, лишенными сбежистости, привлекали меня. Они были картинно ровными. Я оглянулась на реакцию старейшины: а вдруг это какая-нибудь священная роща, а я тут топором начну махать. Но после передачи топора и кувшина, все занялись своими делами и, вроде как, потеряли интерес к моим действиям.

Я замахнулась и стукнула топором по самому основанию деревца. Так как я в принципе не была сильной, топор был для меня не самым удобным инструментом. Навыка не было. При обрезке сада я предпочитала работать японской кривой пилой. Может поэтому не увидела разницы между медным и железным топором, в любом случае я не могла срубить дерево за пару ударов. Но помахав немного, поняла, что топор сделан со знанием дела, очень удобно лежит в руке, не тяжел. Мне пришла в голову мысль, что это может быть топор, сделанный специально для женщин. Они же собирают дрова и хворост, выполняют другую работу в доме и полях. Лесорубы, должно быть, валят большие деревья, подходящие для строительства, а не на дрова — это представлялось мне нерациональной тратой сил.

Очистив ствол от веток, ещё раз подивилась его правильной форме, отложила в сторону и начала примериваться к следующему. В этот момент я заметила бегущих ко мне трёх мальчишек. Одного я уже видела. Он вел двух друзей. Дети счастливо улыбались, демонстрируя белоснежные зубы. Они принесли ещё один такой же топор, и не задавая вопросов, бросились рубить жерди, так словно не первый раз этим занимались. Вот так у меня появились помощники. Никто их не назначал — дети решили сами.

Работа пошла веселее. Мальчишки рубили с таким энтузиазмом, что я едва успевала подбирать жерди и складывать в кучу. Отобрав дюжину самых длинных, остановила ребят. Они поняли с полуслова, вернее, с полжеста.

Место под навес выбрала у скальной стенки — это решало сразу несколько проблем: задняя стена уже есть, от северного ветра прикрыто, устойчивость всей конструкции в целом выше. Я установила стойки и подкосы к ним. Крепить пришлось веревками. Это мне жутко не понравилось, но на данный момент иного способа не было.

Я потратила все веревки, которые собирала в ящиках в Пантеоне и тащила с собой на всякий случай. Тащила, потому что предполагала строительство укрытий и навесов в лесу. Смешная! Я ночевала в выворотнях и расщелинах, в лучшем случае в основании какой-нибудь пихты, нижние ветви которой ложились на землю, и будучи присыпаны снегом, создавали природный шатер.

А сейчас веревки понадобились и сразу закончились, а с их отсутствием застопорилось и мое мелкостроительство. Веревки можно было сделать из природных материалов, но я хорошо знала, какой это адский труд — крутить веревки! Попробовала разок на фестивале исторической реконструкции. Руки в кровь!

Значит снова придется просить.

Я задумалась. А почему они меня кормят и не торгуясь выдают вещи и инструменты? Им велят местные законы гостеприимства? Но я же даже не пересекла границу поселения. Здесь явно был другой подтекст, и это меня сильно напрягало. Может они ждут чего-то взамен? А каким образом я должна догадаться? Интересно, у них существует какая-то денежная система? На какой стадии развития находится это сообщество?

Я взяла для примера коротенький хвостик веревки — все что осталось — и медленно пошла к деревне. Вот ведь ирония. В тайге несколько месяцев выживала с минимумом вещей, а теперь, имея людей в двух шагах, не могла попросить элементарного. Проблема была даже не в языке. С языком уже был найден обходной путь. Проблема была в том, что я не понимала правил. На данный момент знала: они не бросались на меня, не пытались отобрать вещи и не убили меня во сне. Меня кормят и помогают по мере возможностей. Блеснула догадка, что они приписывают мне некий статус. Какими правами здесь пользуются богатые люди?

У плетня меня заметили сразу. Подходя ближе, я протянула им хвостик веревки. Как и ожидала, руку протянул старейшина. Он взял мой образец, покрутил, погладил, что-то крикнул, то ли довольный, то ли удивлённый. Возможно, ему понравилось качество увиденного. Он отрывисто крикнул что-то в толпу и несколько молодых женщин убежали, а через пару минут вернулись с мотками веревок. Они принесли их из разных домов, но веревки были идентичные. Видимо, здесь все делали только такие. Традиционный локальный быт.

Пока я ждала, мы со старостой смотрели друг на друга. В его взгляде не было ни вызова, ни гонора. Какой-то тихий интерес. То же испытывала и я. Мы изучали мимику друг друга, пытаясь понять скрытые мотивы поведения. Потом я отвернулась поблагодарить женщин, принесших мне веревки и краем глаза заметила, что старик блаженно улыбается, рассматривая выпавший кулон в v-образном вырезе футболки.

Небеса в очередной раз в его длинной жизни даровали ему честь наслаждаться созерцанием Слезы Дракона! Теперь он был уверен — это именно этот камень! Он все правильно сделал.

Время шло. Я продолжала оставаться чужой. Они не учили меня своему языку, а я и не пыталась выучить его. В нем было много согласных и каркающих слов. Мне не только не нравилось его звучание, я не представляла, как можно воспроизводить такие сочетания звуков. Мы обменивались жестами, отдельными словами, рисунками. Этого хватало для бытовых вещей. Они знали, что я не вхожу в деревню. Я знала, что они не подходят к моим вещам. Между нами существовала невидимая, но четко установленная кем-то граница, и никто ее не нарушал.

Я не только достроила навес, но и сделала пару плетней и установила их как боковые стенки, тем самым превратив навес в хижину. Местные постоянно приносили мне материалы, инструменты, посуду, как бы предлагая на выбор. Иногда брала необходимое. Мебели в привычном понимании тут не было. Они и спали, и ели, сидя на коврах, не тканых, а валяных из шерсти. От «ковров» я отказалась, потому что они жутко воняли. Шерсть вообще имеет свойство впитывать запахи. У меня имелось, так сказать, моё одеяло — честно скомуниженное в Пантеоне. Я тщательно выстирала его в реке и разложила сушить на камнях. Оно было шерстяным, с искусным орнаментом, и качеством и эстетикой на порядок превосходя местные аналоги. Пока одеяло сушилось, женщины рассматривали его с моего молчаливого согласия. Я чувствовала, как раздвигаю их горизонты.

Каждый день я со стороны наблюдала за тяжелым бытом этих людей. Больше всего меня убило, что по несколько часов в день женщины, стоя на коленях, камнями перетирали зерно в муку. Мне стало интересно, мельницы здесь ещё не изобрели, или просто сюда не дошел местный прогресс.

В принципе, общие понятия об устройстве мельничного механизма у меня было из книг, я понимала механизм их действия, будь то водяные или ветряные. Конечно, я никогда не видела точных чертежей исторических мельниц, но видела сами мельницы после очень качественных, тщательных реконструкций. Пару дней я испытывала так называемые «муки творчества» — мой собственный термин, описывающее состояние творческого поиска. Этакое виртуальное выстраивание в голове объекта, весь процесс его создания.

Творчески намучившись, я решила погулять по берегу реки и посмотреть, есть ли подходящее место. Точно рассчитать ничего не могла, только приблизительно прикинуть. Я искала место, где река образует перепад. Место такое было. Горизонтальный выход породы перегораживал русло реки, что создавало водопад высотой мне по грудь. Верхний срез этой скальной структуры был почти идеально плоским. Я подумала, что он может стать неподвижным столом, по которому будет двигаться верхний жернов.

И вдруг мне так захотелось сделать это для них! За их ненавязчивую доброту и помощь. Отблагодарить за все.

Я сбегала за альбомом и карандашом и принялась обмерять и зарисовывать выбранный плацдарм. Естественно, никаких рулеток и линеек у меня не было, но был потрясающий натренированный глазомер и куча уловок: я знала точное расстояние от кончика среднего до кончика большого пальца правой руки, точную длину своего локтя и стопы. Я и раньше часто использовала эти способы для предварительных прикидок. Измерив и записав все что можно, я вернулась под навес и начала делать наброски. Я не смогу сделать такую сложную конструкцию сама. Надо было привлекать мужчин из деревни. Но они тоже без дела не сидели. А потому нужно точно представлять объем работы и все детали, чтобы давать им четкие указания.

Я не изобретала с нуля, просто сводила воедино знания и насмотренность, такую важную часть моей профессии. Сомневаюсь, что могла бы с нуля изобрести механизм, которого ни

разу с жизни не видела. Да, я была разносторонне развитым и очень начитанным человеком, но не гением.

Таковыми же должны были быть и эти люди. Не тупыми, а просто ничего еще не видевшими в своей ограниченной жизни. В отличие от меня, несущей объединенный опыт разных народов и поколений, они стояли на самой нижней ступени технического прогресса. Но их живые умы с огромным любопытством наблюдали за всем, что я делаю, мгновенно подключаясь, если видели мое согласие. Они больше не опасались меня, я вызвала живой интерес. На то и был расчет.

Процесс был занятный: я указывала на доску, потом руками показывала какого приблизительно размера она должна быть, и пальцами сколько штук нужно. Мужчины уходили заготавливать это. Потом процесс повторялся с веревками, с жердями, более толстыми стволами для вала и опор.

Когда материал был собран, мне пришлось достать чертеж пред глаза публики. Я тыкала, то в свои картинки, то в разложенные материалы. И... говорила.

Да, я заметила эту странную особенность, сродни тыкания выключателями даже когда знаешь, что во всем районе вырубили свет. Показывая жестами что-то, я всегда проговорила мысль вслух. Естественно, никто меня не понимал, но я все равно говорила, словно хотела загипнотизировать их на внимание. Люди слушали мелодику неизвестного им языка, чуть приоткрыв рты и смотрели то на руки, то прямо мне в рот. Так и хотелось сказать, что птичка оттуда не вылетит!

Но с простым, даже не колесом, а вертушкой какой-то, мы управились удивительно быстро. Чтобы потешить народ, установили его и позволили крутиться вхолостую. Прикладывать усилие все равно пока было не к чему.

Теперь было самое сложное — работы по камню. Это заняло больше двух недель. Мужчины обтесывали верхний камень, потом выдалбливали центральное отверстие. В это я вообще не вмешивалась. Когда верхний камень был готов, сделали небольшую выточку по его размеру в камне-столе и немного пришлифовали камни друг к другу. Не знаю, догадывались ли мои труженики о предназначении этой конструкции, но работали с всё большим азартом.

Я не хотела устраивать показательный первый запуск, страшно было облажаться перед своей паствой, если механизм не заработает. Мы соединили вал колеса с жерновом. Первые обороты были тяжелыми, а потом жернов словно сел на место и движение пошло ровнее. Не останавливая вращения, высыпала в центральное отверстие миску зерна. Оно захрустело под тяжестью камня и через два оборота внизу показалась первая мука.

Наступила гробовая тишина, казалось, даже цикады перестали трещать. И тут старейшина заплакал, а потом он обнял меня. Это было так неожиданно и странно: до сих пор никто не позволял себе телесного контакта со мной, разве что самые маленькие дети с удовольствием играли в ладошки. Я испугалась! Потом старейшина опомнился, сделал шаг назад. Он много и долго говорил-каркал, все время прижимая руки к груди. Мне стало так неловко, что я отвернулась и ушла к себе.

Тогда я так и не поняла, что произошло. Много позже Уттер объяснит мне: они были несказанно тронуты моим вниманием, тем, что я сотворила такое Чудо для них. Драконы не касались дел далеких деревень, приезжали только для ликвидации конфликтов и наказания зачинщиков. В городах жизнь людей была более обустроена. Здесь же, на самом краю земель люди жили очень примитивно. Сами по себе.

Старейшина отправил мальчика в город с одним указанием: найти Касара Мергара и передать послание. Ему лично. Без свидетелей.

Начальника городской стражи он знал ещё с молодости — уже тогда Касар носил это титульное имя, и старейшина хорошо понимал, что в городах подобные вещи быстро не меняются. Драконы живут слишком долго, не воюют друг с другом, и порядок в Мергаре веками держится на одних и тех же именах. Состарившись, он был уверен: Касар там же, и дело его то же. Оставалось надеяться, что он примет и выслушает его внука.

Мальчик торопился. Это было первое настоящее поручение в его жизни. Он шел не по дороге, срезая путь везде, где это было возможно.

Город его оглушил. Здесь всё звучало одновременно: говорили тысячи людей, кричали торговцы, скрипели колёса телег, перекликались стражники, звенел металл и над всем этим стоял постоянный гул, будто от колоды с пчелами. Люди проходили мимо сплошным потоком, не замечая его растерянности. Все куда-то спешили, каждый знал куда идти.

Мальчик остановился у ворот, впервые почувствовав, насколько маленьким был его прежний мир. Но от этого поручения зависело, будут ли его уважать дома, и он направился к стражникам.

— Мне нужен начальник стражи. Господин Касар.

Один из стражников окинул его взглядом.

— Всем надо.

— Это важно.

— По какому делу?

— Передать послание. Только ему. Без свидетелей.

— От кого?

Мальчик помолчал секунду. От кого? От человека без имени. Для драконов все они — черви под ногами. Не было смысла отвечать на этот вопрос. И подумав, тихо сказал:

— Я должен сказать ему лично. Это... необычное дело.

В городе, где десятилетиями особо ничего не менялось, слово «необычно» прозвучало как удар в колокол. Стражник больше ничего не спросил. Кивнул напарнику, бросил коротко: «За мной» — и открыл узкую дверь в служебный проход.

Мальчик шёл за провожатым, стараясь не отстать и не зевать по сторонам. Это последнее давалось ему с трудом. Проход вывел их во внутренний двор крепости. Провожатый молчал — просто шёл мимо казармы, мимо арсенала, по лестницам и переходам. Мальчик следовал за ним, держа дедово послание в памяти так крепко, как сжимают монету, которую нельзя потерять.

Остановились у большой, но простой деревянной двери. Стражник постучал дважды, потом ещё раз. Сказал «жди» и скрылся за дверью.

Мальчик ждал.

Потом дверь открылась снова.

— Заходи.

Комната была большой и прохладной, с высокими окнами. По центру — массивный стол, заваленный бумагами. За ним сидел крупный, довольно красивый мужчина средних лет. По крайней мере, так мальчику показалось.

— Значит, необычное дело? — произнёс он. Голос низкий, ровный. — Говори.

Уттер стоял у окна, когда вошёл Касар. Он стукнул в дверь и сразу вошёл, не дожидаясь разрешения — между ними это давно стало лишним.

— Садись. Вино на столе.

— Позже.

Уттер обернулся. Посмотрел на друга внимательно.

— Что случилось?

Касар сел. Взял кубок, повертел в руках и поставил обратно.

— Сегодня ко мне пришёл мальчик. Лет десяти, деревенский. Принёс устное послание от их старейшины.

Уттер ждал.

— И что он хочет?

Касар помолчал секунду.

— В его деревню пришла девушка. Одна. Пешком. Она измотана, но держится. Но она не знает здешнего языка. Ни слова.

— И из-за этого он послал к тебе гонца?

— Она пришла из-за гор.

— Из-за гор, — повторил Уттер медленно, будто взвешивая. — Там же нет ничего.

— А ещё у нее есть книга и Слеза Дракона.

Уттера словно молнией ударило.

— Где деревня?

— Самый север, у подножья гор. Мальчик шёл почти луну. Верхом — две недели, если гнать.

— Будем гнать! — Уттер уже шёл к столу. — Выезжаем завтра на рассвете. Возьмём малый отряд, без лишних глаз.

Касар снова взял кубок и, наконец отпил.

— Она должна быть здесь, Касар. Не там.

Касар смотрел на друга.

— Ты понимаешь, что это может быть что угодно? Случайность. Совпадение. Интриги. — Понимаю, — сказал Уттер просто. — Поэтому еду сам.

За горами не должно было быть ничего живого. Вернее, природа постепенно восстанавливалась, туда начинали проникать особо сильные и выносливые животные. Но люди, нет, этого не могло быть.

Там за горами была земля его предков — богатейшие и землями, и рудниками, и работниками земли Северного Дома. Но это было очень давно. Трагедия, уничтожившая самый величественный из четырех домов, произошла три тысячи лет назад.

Кто эта девушка? Почему душа так живо востребовалась?

Он давно смирился. Драконы живут слишком долго. Три тысячи лет он ждал, что вот-вот произойдет чудо. Это достаточный срок, чтобы потерять веру. Его мать была сильной провидицей, одной из последних женщин-драконов, в которых магия была сильна. Но и она могла ошибиться.

Сначала он верил матери, он знал ее так хорошо, как никто. Она была так же мудра, спокойна и сдержанна, как и он теперь. Она никогда ничего не говорила просто так. Только если была уверена. Только если видение было очень четким или повторялось в неизменном виде несколько раз — знак, что ошибки быть не может.

Но это предсказание она сделала на закате своей жизни, непонятая и не принятая до конца Южным Домом, она страдала. Может это была больше мечта, попытка оправдать отца в моих глазах, попытка облегчить душу в последние дни? Она ведь не доверила это предсказание никому, лишь ему и отчиму, двум самым близким людям. А может она просто хотела подбодрить сына перед уходом?

А сначала он верил! Хотелось, чтобы отец оказался не таким самовлюбленным и самоуверенным мерзавцем, ввергнувшим в закат тысячелетнее наследие предков.

Он верил, что вот-вот баланс восстановится. Но годы шли, века пролетели как птицы. Он был уже не молод, перевалил за экватор своей долгой жизни. Да, что там юлить: почти три

с половиной тысячи лет из пяти — он стоит на пороге заката. В этот момент он проживает лучшие века своей жизни. В одиночестве.

Это общая усталость захлестывала не только его. Когда-то драконы были сильны, они чувствовали Силу Планеты, она текла в их жилах вместе с кровью. Что произошло? Магия стала угасать. Каждое последующее поколение было слабее предыдущего. Его отец лишь углубил положение. Вот же ирония: мечтал прославить свой род, дать ему преимущество, а на деле едва не угробил всех. И лишил его, Уттера, не только земель и трона, но и корней. Да, здесь он нашел второй дом, не станет Правителем, но стал Главнокомандующим. Ему это не претило. Он был строг и сдержан, власть не манила его. Этим он отличался от своего сводного брата Вирана, Наследника Мергара.

Но он почти физически ощущал потерю связи с предками. Здесь и сейчас он был одним из самых сильных драконов, но уже не таким как его отец и деды.

Жизнь проходит. Он нашел свое место. Оно его устраивает. Зачем стремиться к большему, если угасание расы все равно неизбежно? Так почему эта девушка, которой он ещё даже не видел, так взбредила старые душевные раны?

От Мергара до Хараппа дорога была царской — широкая, утрямбованная. Они шли рысью, обгоняя торговые обозы и уступая дорогу только храмовым процессиям. На ночёвках меняли лошадей. Семь дней — как по воде. За Хараппа дорога начала сужаться, пропали постоянные дворы, ночевали у костра. Потом исчезла сама дорога, осталась только тропа — трава, примятая ослиными копытами и редкими пешеходами.

В предгорьях Уттер сам сбавил темп. Касар видел, чего это ему стоит — по тому, как тот крепче обычного сжимает поводья, не разговаривает на привалах и постоянно смотрит на север. Они шли осторожно: камень скользкий после ночного тумана, тропа узкая, а взять здесь новую лошадь негде. Загнать животное на последнем переходе — значит идти пешком. Уттер это понимал.

За полдня до деревни Уттер вообще свернул с тропы. Касар не спросил — просто последовал. Отряд тоже молчал: люди были отобраны за умение не задавать вопросов. Они обошли долину стороной, держась выше, среди скальных ступеней и пышной летней растительности. Лошадей вели в поводу — осторожно, чтобы не звенело железо и не сыпались камни. Вышли на гребень к вечеру, когда внизу уже догорали огни.

Деревня была маленькой. Уттер смотрел на неё долго, не двигаясь.

— Там, — тихо сказал Касар и указал на отдельно стоящую хижину выше по склону.

У хижины горел отдельный огонь. Фигуру у него было не разглядеть — только женский силуэт в длинном белом платье.

Уттер наблюдал. Он ничего не знал. Слеза Дракона могла быть случайностью, совпадением, чужой игрой. Женщина могла быть кем угодно. Он проделал десять дней пути и это не давало ему права торопиться и ошибиться. Он лёг на камни рядом с Касаром и стал наблюдать.

Я много спала, гуляла по окрестности деревни, рисовала. После истории с мельницей, мне не позволяли ничего делать самой. Если раньше не приходилось готовить, то теперь женщины деревни не позволяли мне ни стирать, ни таскать воду, ни собирать хворост. Поэтому все что мне оставалось — отдыхать и размышлять. Я уже достаточно отдохнула, чтобы продолжить путь. Ведь эта деревня не была даже промежуточной целью моего путешествия. Путь лежал в какой-нибудь город, являющийся культурным и научным центром, а там если повезёт — домой. Построить мельницу мне захотелось как бы в оплату постоя и из чисто человеческой

благодарности. И воплощение задуманного логически закрывало эту главу. Надо было снова собираться в путь.

Я уже запасала продукты в дорогу, сушила мясо и ягоды. Женщины мне помогали. Может удивлялись такому способу «порчи свежих продуктов», их реплик я не понимала. Но знала, что сухие продукты меньше весят.

Размышляла о том, как все относительно и может в любой момент измениться на строго противоположное. Пару недель назад я удивлялась, почему жители деревни меня содержат и мне было неловко, что я их объедаю. Теперь же обязанными чувствовали себя они. И было понятно почему! Это неказистое на мой взгляд сооружение не просто скрасило тяжёлый быт, оно изменило статус всей деревни. Пару часов налюбовавшись работой чудо-техники, мальчишки разбежались по едва заметным тропинкам во все стороны от деревни. А ещё через два дня я воочию увидела, что это не одинокая стоянка древних земледельцев, а лишь один из многих населенных пунктов: в деревню начали прибывать забавные мини-караваны в два-три осла, навьюченных мешками с зерном. Всем хотелось посмотреть на диво-дивное и попробовать, так ли хорошо оно работает, как рассказывали запыхавшиеся пацаны. И старейшина сиял, преисполняясь важности — на глазах менялся статус его общины.

Окончательно установилась теплая погода.

Путешествовала я в брюках, первое время здесь тоже не чувствовала себя в безопасности и поэтому продолжала ходить в походной одежде, словно была готова в любой момент подхватиться и бежать. Даже спала одетой.

Но теперь я расслабилась. А дневная жара окончательно меня разморила.

Я вытащила из чемодана то, что могло сойти за летнее платье. Наверное, на самом деле это была нательная шелковая рубашка эпохи какой-нибудь Джульетты — вырез каре, сборка по вороту и под грудью, длина в пол. Но аборигены вряд ли разбирались в таких тонкостях. А шелк был плотным, не просвечивал и рождал ощущение прохлады при касании. И я с удовольствием переоделась. Рубашка имела длинные рукава, но они были разъемными на всю длину, и, расстегнув ряд жемчужных пуговиц, я освободила руки. Взяла расчёску, распустила волосы и начала методично расчесываться. Себе самой в мыслях я сейчас представлялась Гвиневрой с картины Эдмунда Лейтона. Настроение было шаловливое и мне очень этого хотелось.

Я привыкла к тому, что местные жители меня не тревожат без особой надобности, и поэтому не ожидала вторжения. Хрустнул гравий под чьей-то ногой, и я обернулась. Да так и застыла, даже не опустив руку с расчёской. Передо мной стоял такой огромный мужчина, что я оторопела! Мне даже пришлось слегка задрать нос, чтобы посмотреть ему в глаза.

Я уже привыкла к жителям деревни, они были невысокими: мужчины были мне по ухо. И можно было предположить, что это норма для этого места. Но нет. К гадалке не ходи, передо мной стоял представитель суперэлиты! Он чуть не вдвое превосходил местных охотников и по росту, и в объёме. За его спиной стояли ещё несколько таких же богатырей.

В этот момент, почувствовав, что рука уже затекла, а горло пересохло — я опустила руку, кашлянула и выдала:

— Нуу, здравствуйте.

И если бы он смотрел хоть ничтожно более дружелюбно, можно было бы обрадоваться, что представители разумной части человечества, во-первых, существуют, а во-вторых, оказались даже ближе, чем предполагалось. Но он пугал: и неожиданным появлением, и ростом, и выражением лица. Захотелось убежать и спрятаться, но ноги словно приросли к земле. Наша зрительная дуэль, казалось, длилась бесконечно долго. Вся благостность моего настроения мигом испарилась.

Даже беглый взгляд давал понять, что это вроде отряда быстрого реагирования. И по учтивому выражению лица старейшины стало ясно: он послал за ними! Вот почему они так обходительно обращались со мной: чтобы не спугнуть, пока не приедут забрать меня. Вот тебе

и наивные крестьяне! И стало очень больно и обидно, оттого что никому! Никому! Никому нельзя верить!

Отряд встал шагах в ста от деревни, растянули подобие шатра. Меня не трогали, я осталась в своей хижине, никто не ограничивал моих передвижений. Сбежать я все равно не могла. Как и куда? А какой смысл? Рассуждая трезво, ведь и так собиралась в город. А теперь мне не придется идти одной пешком по незнакомой стране. Сколько времени я здесь нахожусь? С месяц. Может чуть больше. Если старик сразу отправил кого-то с сообщением... скорее всего пешего гонца. А отряд прибыл конный. Получается, до города приблизительно с месяц пешком. Если меня не потащат в кандалах, то я даже выиграю от подобной компании.

Со своей площадки я наблюдала за лагерем. Воины в деревню не ходили, местные таскали что-то туда, не подходя к шатрам и оставляя горшки и кувшины на невидимой границе так же, как было со мной. Может у них тут система каст, как у нас в Индии, и это деревня местных неприкасаемых. И за кого все-таки местные меня приняли?

Только в очередной раз страшила неизвестность. Я даже не смогу подслушать, о чем они там говорят. Явно же обо мне, раз за мной приехали. Какое у них ко мне отношение? Казалось, что у местных ко мне положительное, а на деле вон что вышло.

Чертов языковой барьер! Я вся извелась, перебирая в голове варианты развития событий, но было нисколько не понятно, насколько они близки к реальности.

В данном случае, мне оставалось только бездействовать и наблюдать за развитием событий. Плыть по течению — самая нелюбимая мной манера существования. И нужно какое-то время побыть паинькой, чтобы не злить этого здоровенного мужика — командира местного спецназа. Внушаемый им страх нужно было не демонстрировать ни в коем случае. Раз нельзя действовать, буду хотя бы тренировать самоконтроль.

Ближе к вечеру к моей хижине подошла группа женщин, они всякими знаками показывали, что мне надо собрать свои вещи, тыкали в меня и на лагерь гостей. Покивала им, чтобы успокоились и пошла собираться.

Я не знала, когда тронемся в путь. Логично предположить, что завтра на рассвете. Учитывая свою привычку поспать подольше, решила собраться с вечера. Кто знает этих спецназовцев — может у них подъем в три утра. Переделась в походные брюки и снова упаковала свой красный чемодан — верного спутника в моих мытарствах.

И снова легилась спать одетой.

Я смотрел и смотрел. Как там сказал пацан? Необычное дело.

Она и правда была необычная. Пока ничего точнее я сказать не мог. Цветом кожи, волос и глаз она действительно была похожа на дочерей Северного Дома. Южанки были такие же смуглые, как и люди, и черноволосые. Еще она такая худая, измученная. Женщины драконов были красивы, сильны, с гибкими станами и широкими плечами. А она такая маленькая! До плеча ему не достает. Разве может она быть драконом? Драконы самые мощные создания планеты. Определенно что-то в ней есть, но она... хилая. Да, точно, хилая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.